

О слабоумии Фэн Юаньси Сяо Чжюцин слышал бесчисленное множество слухов.

Говорили, что покойной императрице приснилась вещая птица – черная жэньняо, которая несла в клюве солнце и с размаху врезалась ей в грудь; девять месяцев спустя на свет появился Фэн Юаньси. В день его рождения солнце и луна сияли на небосводе одновременно, а облака окрасились в багрянец. Астрономическое управление, истолковав небесные знамения, объявило, что Фэн Юаньси – не кто иной, как воплощение императорской звезды.

Покойный император пришел в неописуемый восторг и в тот же день пожаловал младенцу, еще не покидавшему пеленок, статус наследника престола. Фэн Юаньси полностью оправдал возложенные на него надежды: мало того что он рос необычайно смышленным не по годам, но и выказывал редкую рассудительность и решительность. Придворные наперебой расточали ему похвалы, отмечая, что в нем живет дух великих предков.

Однако десять лет назад т хилый здоровьем покойный император внезапно скончался, оставив после себя предсмертный указ.

Его Величество изрек, что правитель-ребенок при сильной матерью – предвестник смуты в государстве, а потому пожелал последовать примеру императора У-ди и казнить мать, оставив в живых наследника.

На тот момент Фэн Юаньси исполнилось всего шесть лет.

Секретный императорский указ был тайно передан Фэн Боляню, который в ту пору еще не носил княжеского титула. Опираясь на эту бумагу, он подговорил сановников и во главе отряда ворвался во дворец, намереваясь во исполнение воли покойного государя покарать родню императрицы по материнской линии.

Императрица же была непреклонна: она заклеила указ подделкой, заявив, что документ в руках князя Ляна – фальшивка, и гордо отказалась подчиниться приказу о смерти.

Той ночью во дворце грянул мятеж, и императрица пала, пронзенная бесчисленными мечами.

Смерть застала покойную госпожу с открытыми глазами, и рухнула она прямо у трона Фэн

Юаньси. Целых три дня у него держался непрекращающийся жуткий жар, а когда мальчик наконец пришел в себя, то внезапно потерял дар речи и с тех пор больше не произнес ни слова.

Все вокруг твердили, что Его Величество повредился рассудком.

Кое-кто шептался, будто озлобленный дух покойной императрицы унес с собой одну из трех душ и семь попраных духов государя; другие же уверяли, что Его Величество просто-напросто лишился рассудка от внезапного ужаса.

А Ван Юань из романа рассуждал об этом иначе. В самую первую встречу с Фэн Юаньси он брякнул: «Какое к черту слабоумие? Да этот император – банальный аутист!»

Сяо Чжоцин понятия не имел, что означает это мудреное слово – «аутист», однако, сопоставив обрывки умозаключений Ван Юаня из книги, он примерно уловил суть.

В тот момент грянула страшная буря, и Фэн Юаньси, тяжело травмированный пережитым потрясением, приобрел серьезные нарушения поведения и речи.

Тогда же Ван Юань мысленно «выдал филиппику», сетуя на то, что, хотя недуг этот и излечим, с таким-то ебнутым характером Фэн Юаньси кто вообще согласится его учить?

И действительно, желающих не нашлось.

Великий наставник Цзян был столпом старого режима; после того как государь впал в безумие, он, преодолев ожесточенное сопротивление всех и каждого, отстоял право императора на престол и добровольно взвалил на себя бремя его обучения.

Этот прославленный ученый смутных времен буква за буквой, слово за словом заново учил правителя азбуке и человеческой речи.

Тем не менее шли годы, а состояние Вашего Величества нисколько не улучшалось – в лучшем случае он изредка размыкал уста, чтобы вымолвить пару дежурных фраз.

Вскоре Великий наставник подал в отставку, и князь Лянь принялся поочередно назначать Фэн Юаньси новых учителей.

Но на страницах книги «Попирающий князей» наставники императора гибли один за другим при весьма загадочных обстоятельствах. Придворные постепенно начали бледнеть при одном упоминании об этой должности, и больше заводить речь об образовании государя никто не смел.

В романе Фэн Юаньси уделено всего несколько скупых строк, но раз уж этот Ван Юань прибыл из дивного иноземного мира и утверждал, что болезнь исцелима, Сяо Чжочин непременно хотел попытаться.

Он поднялся с места и накинул поданный Фусюэ плащ.

Поздневесенний ночной воздух в Ецзине обжигал холодом, и стоило ему переступить порог залы, как порывы ветра насквозь пронизали его одежды.

Отрезвев от выпитого вина, Сяо Чжочин вдруг сообразил: в этой необъятной дворцовой цитадели, простирающейся на несколько ли в глубину, где теперь искать внезапно растворившегося правителя?

С другой стороны... неважно.

Сопrotивляясь ветру, он неспешно зашагал по крытой галерее, тянувшейся позади главного здания.

Императорский город утопал в праздничной иллюминации; огни отражались в глади широкого озера Линьхуа, а темные силуэты деревьев зловеще раскачивались, окутанные зыбкой дымкой.

Из темноты донесся смутный топот конских копыт.

Померещилось, не иначе? Священная запретная зона великого дворца, кто здесь осмелится скакать верхом?

Но в следующее мгновение Сяо Чжоцин отчетливо услышал резкое ржание.

И впрямь кто-то ездит верхом во внутренних покоях?

Хотя клика князя Ляна вела себя крайне нагло, до такой дерзости, идущей вразрез со всеми устоями, они еще не опускались. Обуреваемый любопытством, Сяо Чжоцин направился туда, откуда доносился стук копыт.

Впереди, подрагивая в лучах фонарей, рябила залитая светом зеркальная гладь воды.

Огромный вороной скакун стоял на самом берегу, шумно фыркая и разгребая копытом землю; неподалеку от него валялся сломанный длинный лук.

Чуть поодаль, лениво прислонившись к стволу дерева, стояли два евнуха и вели неторопливую беседу.

- ...Ты уверен, что не нужно никого позвать?

- Да брось, не впервой же.

- А чего это на воде больше ни кругов, ни всплесков? Пруд Линьхуа добрых полчжана в глубину, как бы часом не...

- Ну так ступай проверь. Евнух Чэнь сейчас в Нефритовом зале.

- Евнух Чэнь изволит распивать вино с князем Ляном, я туда не попрусь...

Сяо Чжоцин подошел ближе; заметив его, слуги испуганно переглянулись и поспешно обернулись.

Люди, несущие службу во дворце, отличались проницательностью: бросив беглый взгляд на незваного гостя, они с легкостью угадали статус Сяо Чжоцина.

Одежды без официальных нашивок, никаких знаков различия, зато дорогой парчовый халат, нефритовый пояс и лицо – невиданной, утонченной и холодной красоты. Наверняка какой-нибудь молодой новоиспеченный кандидат наук из знатного рода.

- Чья это лошадь? – холодно осведомился Сяо Чжочин.

Ни один из них не горел желанием отвечать на его расспросы. Пренебрежительно махнув рукой, они замахали на него:

- Не суй нос куда не просят, пиры и гулянья совсем в другой стороне.

Брови Сяо Чжочина едва заметно сошлись на переносице, и он снова перевел взгляд на великолепного вороного коня.

Породистый скакун – статный, с горячим норовом, в холке он почти доходил взрослому человеку до груди.

Никто его не держал, но он послушно замер у самого уреза воды, уставившись на гладь озера, словно кого-то поджидая.

Сяо Чжочин невольно посмотрел на воду.

Евнухи начали терять терпение:

- По-человечески тебе неясно? Проваливай отсюда! Императорская стража совсем рядом, смотри у нас...

- Плюх!

Внезапно безмятежная гладь озера яростно всколыхнулась.

Ледяные брызги взметнулись на берег, окатив евнухов с ног до головы. Сяо Чжочин стоял всего в полушаге от них и чудом избежал участи стать мокрой курицей, однако подол и половина рукава все же оказались забрызганы водой.

С капающих одежд сбегали ручейки, а он в изумлении уставился на воду.

- ...Ваше Величество?

Мгновение назад бесследно исчезнувший на пиру государь теперь опирался одной рукой о влажный берег, словно из ниоткуда вынырнув из пучины пруда Линьхуа.

Его черные волосы растрепались, тяжелые императорские одежды насквозь промокли и отяжелели, а суровые, хищные черты лица казались смытыми водной рябью. Капли стекали по густым ресницам и щекам, а темные, непроницаемые зрачки казались совершенно безжизненными.

Обдуваемый ледяными ночными ветрами, он цеплялся за кромку берега, напоминая зловещего утопленника, выбравшегося со дна озера.

Сяо Чжочин, почти не раздумывая, бросился вперед, единым движением засучив широкий рукав, и протянул Фэн Юаньси руку.

Пруд Линьхуа глубиной с добрый сажень, а донные течения там столь коварны, что даже лотосы не приживаются. И вот в такую пучину угодил император – подумать только, форменное безумие!

В этот момент он наконец-то до конца осознал, за счет чего Ван Юань в конце концов одержал победу.

Терпеть подобные безумства и при этом умудриться дожить до дня, когда войска Ван Юаня двинутся на север – поистине здесь не обошлось без милости самого князя Яна! Пожалуй, предки династии, императоры Тай-цзу и Тай-цун, дружно били земные поклоны в подземном царстве, лишь бы выпросить для него лишнюю кроху земной жизни ради противостояния небесам.

Забыв о всяком приличии, Сяо Чжочин опустился на колени прямо в поросшую травой грязь у кромки воды, закатав рукава до локтей. Его изящные, точеные руки ярко белели в темноте, а ладонь была простерта прямо перед лицом Фэн Юаньси.

Фэн Юаньси не шевельнулся. Его взгляд скользнул с протянутой руки на лицо юноши.

Сяо Чжочин встревожился:

– Ваше Величество, схватитесь за этого подданного! Ваши одежды напитались водой, если вы

пойдете ко дну, выплыть будет уже невозможно!

Фэн Юаньси, страдавший, должно быть, неизлечимым недугом, смотрел на него все так же неподвижно, словно вовсе не слышал слов.

Пришлось брать инициативу на себя. Наклонившись вперед, Сяо Чжочин ухватил Фэн Юаньси за запястье, вцепившись в него обеими руками.

Подол его халата безвольно погрузился в ледяную воду озера, а под пальцами отчетливо ощущались жесткие, словно пробивающие землю древесные корни, кости запястья.

Только Сяо Чжочин собрался приложить усилие, как Фэн Юаньси неожиданно перехватил его руку, мертвой хваткой зажав его запястье в своей ладони.

Холодные суставы обладали невероятной, железной силой, от неожиданности Сяо Чжочин даже вздрогнул.

В следующее мгновение Фэн Юаньси уперся свободной рукой о берег, и с шумом рассекая воду, единым движением взметнулся вверх.

Тяжелые, пропитанные озерной водой императорские одежды тянули вниз, словно каменные жернова, когда он вытаскивал свое тело из воды. Но государь, казалось, не замечал этого: одним мощным прыжком он в два счета преодолел крутой берег.

- !

В ту самую секунду, когда он выкарабкался на сушу, чудовищная инерция увлекла за собой Сяо Чжочина, и тот камнем полетел назад, к самому краю пруда Линьхуа.

Фэн Юаньси, не отпуская его запястья, резко дернул его на себя.

Сяо Чжочин едва не врезался лбом прямо в его грудь.

Отступив на шаг и вскинув голову, он в ошеломлении попытался унять головокружение и вдруг заметил, что в другой руке Фэн Юаньси сжимает тушку убитого дикого гуся.

Птица была насквозь пронизана стрелой прямо через оба глаза; безвольно свесив голову, она капала на землю струйками воды с мокрых перьев.

– Ваше Величество, это...

Два евнуха, поняв, что отпираться бесполезно, рухнули на колени и принялись сбивчиво оправдываться, перебивая друг друга:

– Молодой господин изволил видеть! Это Его Величество подстрелили гуся, и он упал в воду, вот государь и полез сам его вылавливать!

– Именно так! Разве ж рабы могли его удержать? Это Его Величество проявил своеволие и сиганул в воду!

– Смилуйтесь, молодой господин, засвидетельствуйте истину, не губите понапрасну...

Евнухи усердно колотили лбу о землю, но Фэн Юаньси, казалось, не обращал на них ни малейшего внимания. Опустив руку Сяо Чжоцина, он с тушкой гуся в руке повернулся к коню.

Его длинные парадные одежды оставляли на земле мокрый темный след; вытащив стрелу из глазниц птицы, он наклонился, поднял сломанный лук и при лунном свете принялся изучать место излома.

– Я лгу?

Сяо Чжоцин редко предавался гневу, но сейчас поведение этих двоих, грубо пренебрегших своими обязанностями слуг, вывело его из себя.

– У вас что, рук-ног нет, или языки отсохли? – с гневом обернулся он к ним. – Разве вы не утверждали, что Императорская стража совсем рядом? Почему, когда Его Величество так долго тонул в озере, никто из вас не бросился на помощь, почему никто не позвал на подмогу?

Евнухи никак не ожидали, что этот сторонний человек отважится сунуть нос в дворцовые дела. Сбитые с толку, они забормотали:

– Чего ради молодому господину так придирается к нам...

- Придираться? Да если бы простой прохожий увидел тонущего в воде человека, он бы не остался в стороне! Вы же, находясь на государственной службе, не смогли уберечь его безопасность, а теперь еще и смее обвинять меня в придирках?

Все в округе привыкли считать, что пока князь Лянь держит бразды правления в своих руках, жизнь или смерть нынешнего императора не имеют ровно никакого значения.

Именно по этой причине Поднебесная и стала легкой добычей для таких проходимцев, как Ван Юань, который безнаказанно вершил здесь суд и расправу, утопая в чужой крови.

Разозленный не на шутку Сяо Чжоцин, глядя на этих тупиц, горько пожалел, что не перенял у Сяо Суна парочку крепких ругательств, чтобы от души отчитать их наотмашь.

Стоя на коленях, оба евнуха молчали, потупившись. Неподалеку от них Фэн Юаньси, стоя спиной к ним, стягивал с себя пропитавшиеся водой тяжелые императорские одежды.

Бросив царское облачение вместе со сломанным луком на землю, он протянул руку и принялся привязывать тушу мертвого гуся к седлу.

Мимо пронесся ночной ветер. Сяо Чжоцин, у которого всего-то промокли рукава, явственно ощутил леденящий холод в запястьях.

Больше не обращая внимания на двух рабов, он сорвал с плеч собственный плащ и, сделав два шага вперед, почтительно протянул его обеими руками перед Фэн Юаньси.

- Ваше Величество, ночь холодна, умоляю вас, поберегите свое драгоценное здоровье!

Фэн Юаньси снова замер.

Порывы ночного ветра один за другим проносились над землей. Подождав немного, Сяо Чжоцин поднял голову и увидел, что Фэн Юаньси вновь смотрит на него. Опустив ресницы, он о чем-то думал, храня молчание.

...Впрочем, верно.

Слова Ван Юаня о том, что тот «болен аутизмом», возможно, не были лишены оснований.

Однако в данный момент куда важнее того, страдает ли Фэн Юаньси настоящим недугом, было то, не простудится ли он в эту холодную ночь.

Пережив видения прошлой жизни, Сяо Чжоцин слишком хорошо понимал: залог успешного противостояния захватническим планам Ван Юаня в грядущем дне, возможно, крылся вот в таких мелочах, вроде сухой одежды. К этому он относился с предельной серьезностью.

- Прошу прощения за дерзость, Ваше Величество.

Опустив глаза с извинением, он стряхнул складки плаща и бережно укутал им озябшее тело Фэн Юаньси.

Плечи императора оказались широкими и крепкими, и когда плащ лег на них, плотная ткань едва не натянулась до треска, больно отдавшись в уставших пальцах Сяо Чжоцина.

Отдернув руку, он уже собирался завязать тесемки, как вдруг, подняв глаза, снова угодил прямо в омут его глаз.

Полуприкрытые веки императора скрывали половину зрачков – глубоких, темных и ледяных, словно ночная гладь промерзшего пруда Линьхуа.

Плечи Сяо Чжоцина невольно передернуло от озноба.

В следующий же миг до его слуха донесся раскатистый, зычный смех князя Ляна.